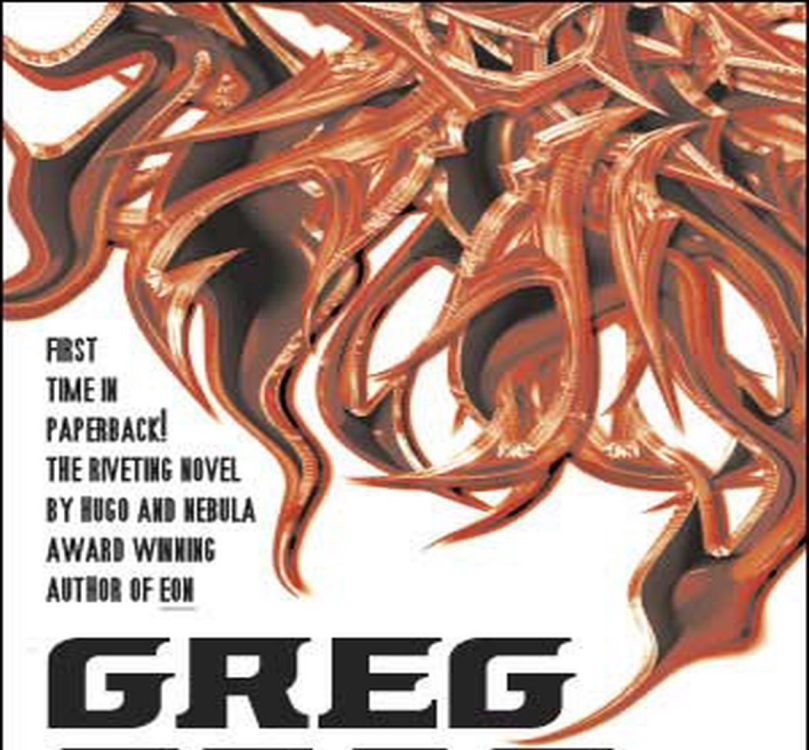

FIRST
TIME IN
PAPERBACK!
THE RIVETING NOVEL
BY HUGO AND NEBULA
AWARD WINNING
AUTHOR OF EON

GREG BEAR

BLOOD MUSIC

Музыка, звучащая в крови
Грег Бир

Аннотация

Аннотация

Короткая повесть «Музыка, звучащая в крови» (1983; «Хьюго»-84; «Небьюла»-83; рус. **1990**) была переделана в роман **«Музыка, звучащая в крови» [Blood Music] (1985)**, названный критикой «Концом детства» 80-х". Это история открытия «разумных клеток» – нооцитов; распространившись вначале по кровеносным сосудам открывшего их ученого, они превращают его в сверхчеловека, а потом, «заразив» все население Земли, создают сверхорганизм , ничего общего не имеющий с человеком. Б. подвергает инверсии взгляды О.Стэплдона: цель Сверхразума – не звезды, а «внутренний космос» бесконечно малого.

В природе существует принцип, который, мне думается, никто до сих пор не подметил… Каждый час рождаются и умирают миллиарды триллионов маленьких живых существ — бактерий, микробов, «микроскопических животных», и жизнь каждого из них не имеет особого значения, разве что в совокупности с множеством других таких же существ, когда их крошечные деяния суммируются и становятся заметны. Они мало что чувствуют. Практически не страдают. И даже смерть сотни миллиардов не может сравниться по своей значимости со смертью одного-единственного человека.

В ряду огромного количества живых существ на Земле от мельчайших микробов до таких крупных созданий, как люди, существует определенное равновесие — примерно так же, как масса собранных вместе ветвей высокого дерева равна массе сучьев, расположенных внизу, а масса дерева равна массе ствола.

Таков по крайней мере принцип. И я думаю, что первым его нарушил Верджил Улэм.

Мы не виделись с ним около двух лет. И его образ, сохранившийся у меня в памяти, лишь весьма отдаленно напоминал загорелого, хорошо одетого джентльмена, что стоял передо мной. За

день до этого мы договорились по телефону, что встретимся во время ленча, и теперь разглядывали друг друга, остановившись прямо в дверях кафетерия для сотрудников медицинского центра «Маунт фридом».

— Верджил? — неуверенно спросил я. — Боже, неужели это ты?!

— Рад тебя видеть, Эдвард, — произнес он и крепко пожал мою руку.

За время, прошедшее с нашей последней встречи, он сбросил десять или двенадцать килограммов, а то, что осталось, казалось теперь жестче и сложено было гораздо пропорциональнее. С университетских лет Верджил запомнился мне совсем другим: толстый, рыхлый, лохматый умник с кривыми зубами. Нередко он развлекался тем, что подводил электричество к дверным ручкам или угощал нас пуншем, от которого все потом мочились синим. За годы обучения Верджил почти не встречался с девушками — разве что с Эйлин Термаджент, которая весьма напоминала его внешне.

— Ты выглядишь великолепно, — сказал я. — Провел лето в Кабо-Сан-Лукас?

Мы встали в очередь и выбрали себе закуски.

— Загар, — ответил он, ставя на поднос картон-

ный пакет шоколадного молока, — это результат трех месяцев под ультрафиолетовой лампой. А зубы я выправил вскоре после того, как мы виделись в последний раз. Я тебе все объясню, но только давай найдем место, где к нам не будут прислушиваться.

Я повел его в угол для курильщиков: на шесть столиков таких оказалось только трое.

— Слушай, я серьезно говорю, — сказал я, пока мы переставляли тарелки с подносов на стол. — Ты здорово изменился. И действительно выглядишь очень хорошо.

— На самом деле я так изменился, как тебе и не снилось. — Эту фразу он произнес зловещим тоном, словно актер из фильма ужасов, и карикатурно поднял брови. — Как Гэйл?

— Гэйл в порядке, — сказал я ему, — учит ребятишек в детском саду. Мы поженились год назад.

Верджил перевел взгляд на тарелки — кусок ананаса, домашний сыр, пирог с банановым кремом — и спросил надтреснувшим голосом:

— Ты ничего больше не замечаешь?

— М-м-м, — произнес я, пристально вглядываясь в него.

— Смотри внимательно.

— Я не уверен… Хотя да, ты перестал носить

очки. Контактные линзы?

— Нет. Они мне больше просто не нужны.

— И ты стал довольно ярко одеваться. Кто это проявляет о тебе столько заботы? Надеюсь, у нее не только хороший вкус, но и внешность.

— Кандис тут ни при чем, — ответил он. — Просто я устроился на хорошую работу и могу теперь позволить себе пошвырять деньгами. Очевидно, мой вкус в выборе одежды лучше, чем в выборе еды. — На лице его появилась знакомая виноватая улыбка, потом она вдруг сменилась странной ухмылкой. — В любом случае она меня бросила. С работы меня тоже уволили, так что теперь я живу на сбережения.

— Стоп, стоп! — запротестовал я. — Не все сразу. Давай рассказывай по порядку. Ты устроился на работу. Куда?

— В «Генетрон корпорейшн», — сказал он. — Шестнадцать месяцев назад.

— Никогда не слышал.

— Еще услышишь. В следующем месяце они выбрасывают акции на рынок. Им удалось здорово продвинуться вперед с мебами. С медицинскими…

— Я знаю, что такое меб, — перебил его я. — Медицинский биочип.

— Они наконец получили работающие мебы.

— Что? — Теперь настала моя очередь удивленно поднимать брови.

— Микроскопические логические схемы. Их вводят в кровь, они закрепляются, где приказано, и начинают действовать. С одобрения доктора Майкла Бернарда.

Это уже значило немало — Бернард обладал безупречной, научной репутацией. Помимо того, что его имя связывали с крупнейшими открытиями в генной инженерии, он до своего ухода на отдых по крайней мере раз в году вызывал сенсации работами в области практической нейрохирургии. Фотографии на обложках «Тайм», «Мега» и «Роллинг стоун» уже говорят сами за себя.

— Вообще-то это держится в строгом секрете — акции, прорыв в исследованиях, Бернард и все такое. — Он оглянулся по сторонам и, понизив голос, добавил: — Но ты можешь поступать, как тебе вздумается. У меня с этими паразитами больше никаких дел.

Я присвистнул:

— Этак можно здорово разбогатеть, а?

— Если тебе этого хочется. Но все-таки посиди немного со мной, прежде чем бросаться сломя голову к своему биржевому маклеру.

— Конечно.

К сыру и пирогу он даже не притронулся, однако съел ананас и выпил шоколадное молоко.

— Ну рассказывай.

— В медицинском колледже я готовился к исследовательской работе. Биохимия. Кроме того, меня всегда тянуло к компьютерам, так что последние два года учебы я содержал себя тем…

— Что писал матобеспечение для «Вестингхауза».

— Приятно, когда друзья помнят… Короче, именно так я и связался с «Генетроном» — они тогда только начинали, хотя уже располагали сильной финансовой поддержкой и лабораториями на все случаи жизни. Меня приняли на работу, и я быстро продвинулся. Спустя четыре месяца я уже вел собственную тему, и мне кое-что удалось сделать. — Он беззаботно махнул рукой. — А затем я увлекся побочными исследованиями, которые они сочли преждевременными. Но я упирался, и в конце концов у меня отобрали лабораторию. Передали ее какому-то слизняку. Часть результатов мне удалось спасти и скрыть еще до того, как меня вышибли, но, видимо, я был не очень осторожен… или рассудителен. Так что теперь работа продолжается вне лаборатории.

Я всегда считал Верджила человеком амбициозным, слегка тронутым и не особенно тонким. Его отношения с начальством и вообще с властями никогда не складывались гладко. Наука для Верджила всегда словно недоступная женщина, которая вдруг раскрывает перед человеком свои объятия, когда он еще не готов к зрелому проявлению чувств, заставляя его бояться, что он упустит свой шанс, потеряет представившуюся возможность, наделает глупостей. Видимо, так и случилось.

— Вне лаборатории? Что ты имеешь в виду?

— Эдвард, я хочу, чтобы ты меня обследовал. Мне нужно очень тщательное физиологическое обследование. Может быть, с применением методов диагностики рака. Тогда я смогу объяснить дальше.

— Стандартное обследование за пять тысяч?

— Все, что сможешь. Ультразвук, ядерный магнитный резонанс, термограммы и все остальное.

— Я не уверен, что получу доступ ко всему этому оборудованию. Магнитный резонанс вообще используют в обследованиях всего месяц или два. Черт, более дорогой метод и выбрать-то…

— Тогда только ультразвук. Этого хватит.

— Верджил, я всего лишь акушер, а не про-

славленный ученый. Гинеколог, излюбленная мишень анекдотов. Вот если ты вдруг начнешь перерождаться в женщину, тогда я смогу тебе помочь.

Он наклонился вперед, едва не ткнувшись локтем в пирог, но в последний момент отклонил руку и опустил локоть буквально в миллиметре от тарелки. Прежний Верджил вляпался бы в самую середину.

— Ты проведи тщательное обследование, и тогда… — Он прищурил глаза и покачал головой. — Пока просто проверь меня.

— Ладно, я запишу тебя на ультразвук. Кто будет платить?

— «Голубой щит». — Он улыбнулся и достал медицинскую кредитную карточку. — Я проник в компьютерное досье «Генетрона» и кое-что там поменял. Так что любые счета за медицинское обслуживание в пределах ста тысяч долларов они оплатят без вопросов и даже ничего не заподозрят.

Верджил настаивал на полной секретности, и я предпринял соответствующие меры. Его бланки, во всяком случае, я заполнил сам. Так что до тех пор пока счета оплачиваются, практически всю работу можно было провести без постороннего

вмешательства. За свои услуги я денег с него не брал. В конце концов он и меня поил тем самым пуншем, от которого моча окрашивалась в синий цвет. Можно сказать, старые, добрые друзья.

Пришел Верджил поздно вечером. В это время я обычно уже не работаю, но на этот раз остался в институте, дожидаясь его на третьем этаже корпуса, который медсестры в шутку называют отделением Франкенштейна. Когда он появился, я восседал в пластиковом оранжевом кресле. Под светом флюоресцентных ламп лицо Верджила приобрело странный зеленоватый оттенок.

Раздевшись, он лег на смотровой стол, и прежде всего я заметил, что у него распухли лодыжки. Однако мышцы в этих местах оказались нормальными, плотными на ощупь. Я проверил несколько раз, и, судя по всему, никаких аномалий там не было, просто выглядели они очень необычно.

Озадаченно хмыкнув, я обработал переносным излучателем труднодоступные для большого аппарата места и запрограммировал полученные данные в видеоустройство. Потом развернул стол и задвинул его в эмалированный лаз ультразвуковой диагностической установки, в «пасть», как говорят наши медсестры.

Увязав данные установки с данными переносного излучателя, я выкатил Верджила обратно, затем включил экран. После секундной задержки там постепенно проступило изображение его скелета.

Спустя еще три секунды, которые я просидел с отвисшей челюстью, на экране возникло изображение торакальных органов, затем мускулатуры, системы кровеносных сосудов и, наконец, кожи.

— Давно ты попал в аварию? — спросил я, пытаясь унять дрожь в голосе.

— Ни в какую аварию я не попадал, — ответил он. — Все это сделано сознательно.

— Тебя что, били, чтобы ты не выбалтывал секретов?

— Ты не понимаешь, Эдвард. Взгляни на экран еще раз. У меня нет никаких повреждений.

— А это? Здесь какая-то припухлость. — Я показал на лодыжки. — И ребра у тебя… Они все переплетены крест-накрест. Очевидно, они когда-то были сломаны и…

— Посмотри на мой позвоночник, — сказал он.

Я перевернул изображение на экране. Боже правый! Фантастика! Вместо позвоночника — решетка из треугольных отростков, переплетенных совершенно непонятным образом. Протянув

руку, я попытался прощупать позвоночник пальцами. Он поднял руки и уставился в потолок.

— Я не могу найти позвоночник, — сказал наконец я. — Спина совершенно гладкая.

Повернув Верджила лицом к себе, а попробовал нащупать через кожу ребра. Оказалось, они покрыты чем-то плотным и упругим. Чем сильнее я нажимал пальцем, тем больше начиналось сопротивление. Но тут мне в глаза бросилась еще одна деталь.

— Послушай, — сказал я. — У тебя совершенно нет сосков.

В том месте, где им полагалось быть, остались только два пигментных пятнышка.

— Вот видишь! — произнес Верджил, натягивая белый халат. — Меня перестраивают изнутри.

Кажется, я попросил его рассказать, что произошло. Однако на самом деле я не очень хорошо помню, что именно тогда сказал.

Он начал объяснять в своей привычной манере — то и дело сбиваясь на посторонние темы и уходя в сторону. Слушать его — все равно, что продираться к сути дела через газетную статью, чрезмерно напичканную иллюстрациями и вставками в рамочках. Поэтому я упрощаю и сокращаю его рассказ.

В «Генетроне» ему поручили изготовление первых биочипов, крошечных электронных схем, состоящих из белковых молекул. Некоторые из них подключались к кремниевым чипам размером не больше микрона, затем запускались в артериальную систему крыс. Они должны были укрепиться в отмеченных химическим способом местах и вступить во взаимодействие с тканями, чтобы сообщать о созданных в лабораторных условиях патологических нарушениях или даже оказывать на них влияние.

— Это уже большое достижение! — сказал Верджил.

— Наиболее сложный чип мы удалили, пожертвовав подопытным животным, затем считали его содержимое, подключив к видеоэкрану. Компьютер выдал нам гистограммы, затем химические характеристики отрезка кровеносного сосуда, а потом сложил все это вместе и выдал картинку. Мы получили изображение одиннадцати сантиметров крысиной артерии. Видел бы ты, как все эти серьезные ученые прыгали до потолка, хлопали друг друга по плечам и глотали «клоповник»!

«Клоповник» — это этиловый спирт, смешанный с газировкой «Доктор Пеппер».

В конце концов кремниевые элементы полно-

стью уступили место нуклеопротеидам. Верджил не очень хотел вдаваться в подробности, но я понял, что они нашли способ превращения больших молекул — как ДНК или даже более сложные — в электрохимические компьютеры, использующие структуры типа рибосом в качестве кодирующих и считывающих устройств, а РНК — в качестве «ленты». Позже, внося программные изменения в ключевых местах путем замены нуклеотидных пар, Верджилу удалось скопировать репродуктивное деление и слияние.

— В «Генетроне» хотели, чтобы я переключился на супергенную инженерию, поскольку этим занимались все подряд. Самые разные монстры, каких только можно вообразить, и так далее… Но у меня были другие идеи. Время безумных ученых, верно? — Он покрутил пальцем у виска, издав плавно переливающийся звук, потом рассмеялся, но тут же умолк. — Чтобы облегчить процесс дупликации и соединения, я вводил свои самые удачные нуклеотропотеиды в бактерии. Затем стал оставлять их там на длительное время, чтобы схемы могли взаимодействовать с клеточными механизмами. Все они были запрограммированы эвристически, то есть самообучались в гораздо большем объеме, чем в них

закладывали изначально. Клетки скармливали химически закодированную информацию компьютерам, а те, в свою очередь, обрабатывали ее, принимали решения, и таким образом клетки «умнели». Ну, для начала, скажем, становились такими же умными, как планарии. Представь себе E.coli, которая не глупее планарии, а?

— Представляю, — кивнул я.

— Ну а потом я совсем увлекся. Оборудование было, технология уже существовала, и я знал молекулярный язык. Соединяя нуклеопротеиды, я мог получить действительно плотные и сложные биочипы, своего рода маленькие мозги. Пришлось исследовать и такую проблему: чего я смогу достичь — теоретически? Получалось, что, продолжая работать с бактериями, я бы сумел получить биочип, сравнимый по производительности обработки информации с мозгом воробья. Можешь себе представить мое удивление? Но потом мне открылся способ тысячекратного увеличения производительности, причем с помощью того же явления, которое мы прежде считали помехой, — электронного дрейфа между сложившимися электронными схемами. При таких размерах даже незначительные флюктуации грозили биочипу уничтожением, но я разработал

программу, которая предсказывала и обращала туннельный эффект в преимущество. Тем самым, подчеркивая эвристический аспект этих компьютеров, я использовал дрейф для увеличения сложности.

— Тут я уже перестаю понимать, — признался я.

— Я воспользовался преимуществом, которое дает элемент случайности. Схемы могли самовосстанавливаться, сравнивая содержимое памяти и исправляя поврежденные элементы. Целиком. Я дал им только базовые инструкции. Живите и размножайтесь! Становитесь лучше! Боже, ты бы видел, что стало с некоторыми культурами через неделю! Потрясающие результаты! Они начали развиваться сами по себе, словно маленькие города. Пришлось их все уничтожить. Особенно меня поразила одна чашка Петри: думаю, если бы я продолжал кормить ее жильцов, она отрастила бы ноги и дала ходу из инкубатора.

— Ты, надо понимать, шутишь? — спросил я, взглянув на него в упор. — Или нет?

— Слушай, они действительно знали, что значит становиться лучше, совершеннее. Они видели направление развития, но, находясь в телах бактерий, были очень ограничены в ресурсах.

— И насколько они оказались умны?

— Я не уверен. Они держались скоплениями по сто — двести клеток, и каждое скопление вело себя как самостоятельная особь. Может быть, каждое из них достигло уровня макак-резуса. Они обменивались информацией через фимбрии — передавали участки памяти и сравнивали результаты своих действий. Хотя наверняка их сообщество отличалось от группы обезьян прежде всего потому, что мир их был намного проще. Но зато в своих чашках они стали настоящими хозяевами. Я туда запускал фагов — так им просто не на что было рассчитывать. Мои питомцы использовали любую возможность, чтобы вырасти и измениться.

— Как это возможно?

— Что? — Он, похоже, удивился, что я не все принимаю на веру.

— Запихнуть так много в столь малый объем. Макака-резус — это все-таки нечто большее, чем просто калькулятор, Верджил.

— Возможно, я не очень хорошо объяснил, — сказал он, заметно раздражаясь. — Я использовал нуклеопротеидные компьютеры. Они похожи на ДНК, но допускают интерактивный обмен. Ты знаешь, сколько нуклеотидных пар содержится в

организме одной-единственной бактерии?

Последнюю свою лекцию по биохимии я слушал уже довольно давно и поэтому только покачал головой.

— Около двух миллионов. Добавь сюда пятнадцать тысяч модифицированных рибосом — каждая с молекулярным весом около трех миллионов — и представь себе возможное количество сочетаний и перестановок. РНК выглядит как длинная спираль из бумажной ленты, окруженная рибосомами, которые считывают инструкции и вырабатывают белковые цепи. — Слегка влажные глаза Верджила буквально светились. — Кроме того, я же не говорю, что каждая клетка была отдельной особью. Они действовали сообща.

— Сколько бактерий ты уничтожил в чашках Петри?

— Не знаю. Миллиарды. — Он усмехнулся. — Ты попал в самую точку, Эдвард. Как планета, населенная E.coli.

— Но тебя не за это уволили?

— Нет. Прежде всего они не знали, что происходит. Я продолжал соединять молекулы, увеличивая их размеры и сложность. Поняв, что бактерии слишком ограниченны, я взял свою соб-

ственную кровь, отделил лейкоциты и ввел в них новые биочипы. Потом долго наблюдал за ними, гоняя по лабиринтам и заставляя справляться с химическими проблемами. Они показали себя просто великолепно. Время на их уровне течет гораздо быстрее: очень маленькие расстояния для передачи информации, и окружение гораздо проще… Затем как-то раз я забыл спрятать свое компьютерное досье под секретный код. Кто-то из руководства его обнаружил и догадался, чем я занимаюсь. Скандал был страшный! Они решили, что из-за моих работ на нас вот-вот спустят всех собак бдительные стражи общественной безопасности. Принялись уничтожать мою работу и стирать программы. Приказали, чтобы я стерилизовал свои лейкоциты. Черт бы их побрал! — Верджил скинул лабораторный халат и начал одеваться. — У меня оставалось от силы дня два. Я отделил наиболее сложные клетки…

— Насколько сложные?

— Они, как и бактерии, держались группами штук по сто. И каждую группу по уровню интеллекта можно было сравнить, пожалуй, с десятилетним ребенком. — Он взглянул мне в глаза. — Все еще сомневаешься? Хочешь, я скажу тебе, сколько нуклеотидных пар содержится в

клетках млекопитающих? Я специально запрограммировал свои компьютеры на использование вычислительных мощностей лейкоцитов. Так вот, черт побери, их десять в десятой степени! И у них нет огромного тела, о котором нужно заботиться, растрачивая большую часть полезного времени.

— Ладно, — сказал я. — Ты меня убедил. Но что было дальше?

— Дальше я смешал лейкоциты со своей кровью, набрал шприц и ввел все это себе обратно. — Он застегнул верхнюю пуговицу рубашки и неуверенно улыбнулся. — Я запрограммировал их на все, что только можно, общаясь с ними на самом высоком уровне, который допускают энзимы и тому подобное. После чего они зажили своей жизнью.

— Ты запрограммировал их плодиться и размножаться? Становиться лучше? — повторил я его фразу.

— Я думаю, они развили кое-какие характеристики, заложенные в биочипы еще на стадии кишечных бактерий. Лейкоциты уже могли общаться друг с другом, выделяя в окружающую среду химически закодированные участки памяти. И наверняка они нашли способы поглощать

другие типы клеток либо преобразовывать их, не убивая.

— Ты сошел с ума.

— Но ты сам видел изображение на экране! Эдвард, меня с тех пор не берет ни одна болезнь. Раньше я простужался постоянно, зато теперь чувствую себя как нельзя лучше.

— Но они у тебя внутри и постоянно что-то находят, что-то меняют…

— И сейчас каждая группа не глупее тебя или меня.

— Ты действительно ненормальный.

Он пожал плечами.

— Короче, меня вышибли. Решили, видимо, что я попытаюсь отомстить за то, как они расправились с моей работой. Поэтому меня выгнали из лаборатории, и до сего момента мне не представлялось настоящей возможности узнать, что происходит в моем организме. Три месяца уже прошло.

— И ты… — Я едва поспевал за перегоняющими друг друга догадками. — Ты сбросил вес, потому что они улучшили у тебя жировой обмен. Кстати, кости стали прочнее, позвоночник полностью перестроен…

— У меня никогда не болит спина, даже если я

сплю в очень неудобной позе.

— Сердце у тебя тоже выглядит не так.

— Про сердце я не догадывался, — сказал он, внимательно разглядывая изображение на экране. — А насчет жира… Об этом я думал. Они вполне могли улучшить у меня обмен веществ. В последнее время я никогда не чувствую себя голодным. Привычки в еде у меня не слишком сильно изменились — по-прежнему хочется того, чего и всегда хотелось, — но почему-то я ем только полезные продукты. Видимо, они еще не поняли, что представляет собой мой мозг. Они освоили железистую систему, но пока не осознали глобальной картины, если ты понимаешь, что я имею в виду. Они еще не знают, что я — это я. А вот что такое репродуктивные органы, усвоили просто замечательно.

Я взглянул на экран и отвел глаза.

— Нет, внешне все выглядит нормально. — Он захихикал. — Но как, ты думаешь, я подцепил эту красотку Кандис? Она рассчитывала просто на одноразовое приключение с технарем. Я и тогда уже неплохо выглядел: без загара, но уже постройнел и одевался весьма прилично. Ей, видишь ли, никогда раньше не попадался технарь, ну и она решила попробовать ради смеха… Но

мои маленькие гении не давали нам спать чуть не до утра, и с каждым разом они становились все умнее и умнее. Я был словно в лихорадке.

Улыбка исчезла с его лица.

— Но однажды ночью я почувствовал, как у меня по всей коже бегают мурашки. Я здорово тогда напугался и решил, что эксперимент выходит из-под контроля. Кроме того, меня беспокоило, что может произойти, когда они преодолеют гематоэнцефалитический барьер и узнают обо мне, о настоящих функциях клеток головного мозга. Поэтому я начал кампанию сдерживания. Насколько я понимал, они пытались проникнуть в кожу, потому что по поверхности прокладывать коммуникационные каналы гораздо легче, чем устанавливать цепи через органы, мускулы и сосуды или в обход им. По коже получалось проще. Пришлось купить кварцевую лампу… — Тут он перехватил мой удивленный взгляд. — В лаборатории мы разрушали белок в биочипах, подвергая их ультрафиолетовому облучению, а я чередовал лампу дневного света с кварцевой. В результате они не лезут на поверхность, а я получаю отличный загар.

— Ты еще можешь получить рак кожи, — добавил я.

— Думаю, они сами сделают все, что нужно, чтобы меня уберечь. Как полицейские патрули.

— Ладно. Я тебя обследовал, ты рассказал мне историю, в которую трудно поверить… но чего ты теперь от меня хочешь?

— Я не настолько беззаботен, как могло показаться, Эдвард. Меня по-прежнему не оставляет беспокойство, и я хотел бы найти какой-нибудь способ ограничить их прежде, чем они узнают о моем мозге. Ты сам подумай: их теперь триллионы, и каждый не глупее меня. Они в определенной степени сотрудничают, так что я, возможно, умнейшее существо на планете, но на самом деле у них еще все впереди. Я бы не хотел, чтобы они захватили надо мной власть. — Он рассмеялся, и у меня по спине пробежал неприятный холодок. — Или украли душу… Поэтому я прошу тебя подумать над каким-нибудь способом ограничить их. Может быть, этих маленьких чертенят можно поморить голодом? Подумай. — Он вручил мне листок бумаги со своим адресом и телефоном, затем подошел к клавиатуре, убрал изображение с экрана и стер данные обследования. — Пока никто, кроме тебя, ничего не должен знать. И пожалуйста… поторопись.

Ушел Верджил только в три часа ночи. Перед

этим я взял у него кровь на анализ, затем пожал его влажную, дрожащую ладонь, и он в шутку предупредил меня, чтобы я не принимал образцы внутрь.

Прежде чем уйти домой самому, я заложил кровь на анализ, результаты которого были готовы уже на следующий день. Я получил их во время перерыва на ленч, затем все уничтожил. Проделал я это совершенно механически, словно робот. Лишь через пять дней и почти столько же бессонных ночей я принял увиденное. Кровь его оказалась вполне нормальной, за исключением того, что машина выявила заражение: высокий уровень лейкоцитов — белых кровяных клеток — и гистаминов. На пятый день я наконец поверил.

Гэйл вернулась домой раньше меня, но в тот вечер была моя очередь готовить ужин. Она поставила на проигрыватель один из детсадовских дисков и продемонстрировала мне образцы видеокомпьютерной живописи, которые создавали ее дошкольники. Я молча смотрел. Ужин тоже прошел в тишине.

Ночью мне приснилось сразу два сна — видимо, признак того, что я наконец принял факты. Во время первого, от которого я постоянно ворочал-

ся и скомкал всю простыню, мне привиделось разрушение планеты Криптон, родного мира Супермена, где погибали в огне миллиарды супергениев. Скорее всего этот кошмар навеяла стерилизация образцов крови, которые я взял у Верджила.

Второй сон оказался хуже. Мне снилось, как огромный город Нью-Йорк насилует женщину. В конце концов она родила множество маленьких зародышей-городков, завернутых в полупрозрачную пленку и залитых кровью после трудных родов.

На утро шестого дня я позвонил Верджилу. Он ответил после четвертого гудка.

— У меня есть кое-какие результаты, — сказал я. — Ничего окончательного, но хотел бы с тобой поговорить. Не по телефону.

— Хорошо, — ответил он, и в его голосе мне послышалась усталость. — Я пока сижу дома.

Квартира Верджила находилась в шикарном высотном доме на берегу озера. Я поднялся к нему на лифте, разглядывая рекламную болтовню голограммы с изображением товаров, свободных квартир и хозяйки здания, обсуждавшей общественные мероприятия на текущей неделе.

Верджил открыл дверь и жестом пригласил

меня внутрь. Он был в клетчатом халате с длинными рукавами и домашних шлепанцах. В руке держал незажженную трубку. Он молча прошел в комнату и сел в кресло; пальцы его вертели трубку, Не переставая.

— У тебя инфекция, — произнес я.

— Да?

— Это все, что я смог узнать из анализов. У меня нет доступа к электронным микроскопам.

— Я не думаю, что это на самом деле инфекция, — сказал он. — В конце концов это мои же собственные клетки. Может быть, что-то еще… Какой-нибудь признак их присутствия, их перемен. Едва ли можно ожидать, что нам сразу все станет понятно.

Я снял пальто.

— Слушай, я начинаю за тебя беспокоиться…

Остановило меня выражение его лица — странное, лихорадочное блаженство. Прищурив глаза, Верджил смотрел в потолок и морщил губы.

— Ты что — накачался? Балдеешь? — спросил я.

Он помотал головой из стороны в сторону, потом кивнул очень медленно.

— Я слушаю, — сказал он.

— Что?

— Не знаю. Это не совсем звуки… Но что-то вроде музыки… Сердце, кровеносные сосуды, течение крови по артериям и венам. Деятельность… Музыка, звучащая в крови… — Он взглянул на меня грустными глазами. — Ты почему не на службе?

— У меня сегодня свободный день. А Гэйл работает.

— Можешь остаться?

— Видимо, да, — сказал я, пожимая плечами, потом обвел квартиру подозрительным взглядом, выискивая горы окурков или бумажные пакетики от наркотиков.

— Я не под балдой, Эдвард, — произнес он. — Может быть, я не прав, но мне кажется, происходит что-то очень большое и важное. Думаю, они начали понимать, кто я есть.

Я сел напротив Верджила, пристально его разглядывая. Он, похоже, совсем меня не замечал. Какой-то внутренний процесс захватил его целиком. Когда я попросил чашку кофе, он лишь махнул рукой в сторону кухни. Вскипятив воду, я достал из шкафа банку растворимого кофе, потом вернулся с чашкой в руках на свое место. Верджил сидел с открытыми глазами, покачивая головой.

— Ты всегда знал, кем тебе хочется стать, да? — спросил он.

— Более-менее.

— Гинеколог… Только верные шаги по жизни, ни одного — в сторону… А я всегда жил по-другому. У меня были цели, но я не знал направления. Это как карта без дорог, одни только географические точки. И мне на все было наплевать, на всех, кроме себя самого. Даже на науку. Для меня это просто средство… Я вообще удивляюсь, что добился таких значительных результатов… Даже своих родителей я ненавидел.

Неожиданно он схватился за подлокотники кресла.

— Тебе плохо? — встревожился я.

— Они со мной разговаривают, — ответил он и закрыл глаза.

Около часа он лежал без движения, как будто спал. Я проверил пульс — ровный, наполненный, потрогал его лоб — чуть холоднее, чем следовало бы, потом пошел и приготовил себе еще кофе. Когда Верджил открыл наконец глаза, я, не зная чем себя занять, перелистывал журнал.

— Трудно представить себе, как течет для них время, — произнес он. — Всего три или четыре дня у них ушло на то, чтобы понять наш язык и ключевые аспекты нашей цивилизации. Теперь они продолжают знакомиться со мной. Прямо во

сне. Прямо сейчас.

— Как это?

Верджил сказал, что несколько тысяч исследователей подключились к его нейтронам, но подробностей он и сам не знал.

— Они, вероятно, действуют очень эффективно, — добавил он. — И пока еще не причинили мне никакого вреда.

— Нужно доставить тебя в больницу.

— А что они там смогут сделать? Ты, кстати, придумал какой-нибудь способ ограничить моих умников? Я хочу сказать, это все же мои клетки.

— Я думал об этом. Мы можем заморить их голодом. Нужно только найти различие в метаболизме…

— Я не уверен, что мне хочется избавиться от них совсем, — сказал Верджил. — Они не причиняют мне никакого вреда.

— Откуда ты знаешь?

Он покачал головой, потом поднял палец и замер.

— Тихо! Они пытаются понять, что такое пространство. Им это нелегко. Расстояния они определяют по концентрации химических веществ. Размерность для них — это как сильный или слабый вирус.

— Верджил…

— Слушай! И думай, Эдвард. — Он заговорил возбужденным тоном: — Наблюдай! Во мне происходит что-то значительное. Они общаются друг с другом через жидкости организма, и химические сигналы проникают даже сквозь мембраны. Они там мастерят что-то новое, может быть, вирусы, чтобы переносить данные, хранящиеся в цепях нуклеиновых кислот. Кажется, они имеют в виду РНК… Похоже на правду. Я их так и программировал… Но еще и плазматические структуры… Возможно, именно это твои машины и выделили как признак инфекции — их переговоры у меня в крови, информационные пакеты… Химические характеристики других особей. Равных. Начальников. Подчиненных.

— Верджил, я внимательно слушаю, но мне действительно кажется, что тебе следует лечь в больницу.

— Это моя свадьба, Эдвард, — сказал он. — Я — их вселенная. Они поражены новыми открывшимися горизонтами…

Верджил снова умолк. Я присел на корточки рядом с его креслом и закатал рукава халата. Вся рука у него была словно исчерчена крест-накрест белыми линиями. Я уже собрался вызывать ма-

шину «скорой помощи», когда он вдруг встал и потянулся.

— Ты когда-нибудь задумывался, — спросил он, — сколько клеток мы убиваем каждый раз, когда делаем даже простое движение?

— Я вызову машину, — сказал я.

— Нет, — произнес он твердо. — Я же сказал, что я не болен. И я хочу иметь возможность распоряжаться самим собой. Знаешь, что они сделают со мной в больнице?.. Это как если бы пещерные люди принялись чинить компьютер тем же способом, каким они чинят свои каменные топоры. Фарс…

— Тогда какого черта я здесь делаю? — спросил я, разозлившись. — Ведь я ничем не могу тебе помочь. Я такой же пещерный человек.

— Ты друг, — произнес Верджил, взглянув мне в глаза, и у меня возникло ощущение, что в мою сторону смотрит не только он один. — Ты мне нужен для компании. — Он рассмеялся. — Хотя на самом деле я отнюдь не одинок.

В течение двух последующих часов он расхаживал по квартире, прикасался к вещам, выглядывал в окна, потом медленно, неторопливо приготовил ленч.

— А знаешь, они действительно могут ощущать

свои собственные мысли, — сказал он около полудня. — Я имею в виду цитоплазму. Судя по всему, она имеет собственную волю, своего рода подсознательную жизнь — в отличие от разума, который клетки обрели совсем недавно. Они слышат нечто похожее на химический «шум» отделяющихся и возвращающихся на место молекул.

В два часа я позвонил Гэйл и сказал, что буду поздно. Меня буквально трясло от напряжения, но я старался говорить спокойно:

— Помнишь Верджила Улэма? Я сейчас у него.

— Все в порядке? — спросила она.

Да уж куда там…

— Все отлично, — ответил я.

Верджил заглянул в комнату как раз, когда я попрощался с Гэйл и положил трубку.

— Это целая культура! — провозгласил он. — Они постоянно купаются в море информации. И, постоянно вносят туда что-то новое. Получается своего рода «гештальт». Строжайшая иерархия. За клетками, которые взаимодействуют с другими неправильно, они высылают особые фаги. Специально изготовленные вирусы, предназначенные для конкретных клеток или групп. Против них нет абсолютно никакой защиты. Ви-

рус протыкает клетку, она лопается, взрывается и растворяется. Но это не тирания. Я думаю, что на самом деле у них гораздо больше свободы, чем при демократическом устройстве. В том смысле, что они так сильно отличаются друг от друга. Ты можешь себе это представить? Они отличаются друг от друга даже больше, чем мы.

— Подожди, — сказал я, взяв его за плечи. — Верджил, ты слишком много и сразу на меня навалил. Мне это больше не под силу. Я ничего не понимаю и не очень верю.

— Даже сейчас?

— Ладно. Допустим, ты даешь мне э-э-э… верную интерпретацию. Честную. И все это правда. А ты не задумывался о последствиях? Что все это означает и к чему может привести?

Он прошел на кухню, налил стакан воды, вернулся и встал рядом со мной. Детская увлеченность на его лице сменилась трезвой озабоченностью.

— Я всегда плохо представлял себе будущее.

— А тебе не страшно?

— Было страшно. Но сейчас я не уверен. — Он нервно подергал пояс своего халата. — Знаешь, я не хотел бы, чтобы ты думал, будто я действовал в обход тебя, через голову или еще как, но

вчера я встретился с Майклом Бернардом. Он меня обследовал в своей частной клинике, взял образцы на анализ. Сказал, чтобы я прекратил облучение кварц-лампой. Сегодня утром, прямо перед тобой, он мне позвонил и сообщил, что все подтверждается. Но просил никому ничего не говорить. — Верджил замолчал, и на лице его снова появилось мечтательное, самоуглубленное выражение. — Целые города из клеток… Эдвард, они проталкивают сквозь ткани похожие на фимбрии каналы, чтобы распространять информацию…

— Прекрати! — не выдержал я. — Что там еще подтверждается?

— Как сказал Бернард, у меня в организме обнаружились «крайне увеличенные макрофагоциты». И он подтвердил анатомические изменения. Так что мы с тобой на этот счет не заблуждаемся.

— Что он собирается делать?

— Не знаю. Думаю, он сможет убедить руководство «Генетрона» возобновить работы в моей лаборатории.

— Ты этого хочешь?

— Дело не только в лаборатории. Сейчас я тебе покажу. Перестав пользоваться лампой, я изме-

нился еще сильнее.

Он расстегнул халат и сбросил его на пол. Все тело у него было расчерчено белыми пересекающимися линиями. На спине вдоль позвоночника эти линии уже начали образовывать твердый гребень.

— Боже правый! — вырвалось у меня.

— Еще немного — и мне уже нельзя будет появляться нигде, кроме лаборатории. В таком виде невозможно бывать на людях. А в больнице, как я говорил, просто не поймут, что со мной делать.

— Но ты… Ты же можешь переговорить с ними, сказать, чтобы они действовали не так быстро, — предложил я, понимая, что произношу весьма странные вещи.

— Да, могу. Но они не обязательно меня послушаются.

— Я думал, ты для них бог или нечто вроде этого.

— Те, кто подключился к моим нейронам, на самом деле не очень важные фигуры. Просто исследователи или что-то в этом духе. Они знают о моем существовании, знают, кто я такой, но это не означает, что они убедили тех, кто стоит на верхних ступенях иерархической лестницы.

— У них идут дебаты?

— Похоже на то. Однако все не так плохо, как тебе кажется. Если вновь откроют мою лабораторию, у меня будет и дом, и рабочее место. — Он выглянул в окно, словно высматривал кого-то внизу. — У меня больше никого нет. Кроме них. И они ничего не боятся, Эдвард. Никогда в жизни я не чувствовал ни с кем такого родства. — Снова блаженная улыбка. — Я в ответе за них. Я им как мать.

— Но ты же не знаешь, что они будут делать дальше.

Он покачал головой.

— В самом деле, Верджил. Ты говорил, что это цивилизация…

— Тысяча цивилизаций!

— Тем более. А цивилизации, как известно, нередко кончают плохо. Войны, загрязнение окружающей среды…

Я словно хватался за соломинку, пытаясь унять растущую панику. Мне явно не хватало опыта, компетенции, чтобы охватить происшедшее во всей его потрясающей грандиозности. То же самое относилось и к Верджилу. Когда дело касается глобальных проблем, менее проницательного и способного на зрелые решения человека даже представить себе трудно.

— Но рискую только я один.

— Ты не можешь знать этого наверняка. Боже, Верджил, посмотри, что они с тобой делают!

— Со мной! Только со мной! — выкрикнул он. — Ни с кем другим!

Я покачал головой и поднял руки, признавая свое поражение.

— Ладно. Ну откроет Бернард лабораторию, ты переселишься туда и превратишься в подопытную морскую свинку. А что дальше?

— Они не приносят мне вреда. Я сейчас больше, чем старый добрый Верджил Улэм. Я — целая галактика, черт побери! Сверхпрародитель!

— Ты, может быть, имеешь в виду сверхинкубатор?

Он пожал плечами, не желая ввязываться в спор.

Всего этого мне оказалось более чем достаточно. Выдумав какие-то нелепые оправдания, я распрощался с ним и ушел. Потом долго сидел в холле внизу, успокаивая нервы… Кто-то должен убедить его. Но кого Верджил послушает? Он виделся с Бернардом…

И того, похоже, история Верджила не только убедила, но еще и очень заинтересовала. Люди типа Бернарда обычно не подталкивают верджилов

улэмов этого мира к необдуманным действиям — за исключением тех случаев, когда чувствуют, что ситуацию можно обернуть себе на пользу.

Всего лишь догадка, но я решил попробовать. Подошел к уличному телефону, воткнул в щель кредитную карточку и позвонил в «Генетрон».

— Будьте добры, разыщите, пожалуйста, доктора Майкла Бернарда, — обратился я к секретарше.

— Простите, кто его спрашивает?

— Это его секретарь из «Телефонного сервиса». Поступил крайне важный звонок, а его бипер, видимо, не работает.

После нескольких минут ожидания Бернард взял трубку:

— Кто вы такой, черт побери? У меня нет никакого секретаря в «Телефонном сервисе».

— Меня зовут Эдвард Миллиган. Я друг Верджила Улэма. Нам, похоже, нужно встретиться и кое-что обсудить.

Договорились о встрече на следующее утро. По дороге домой я пытался придумать себе какое-нибудь оправдание, чтобы не выходить на работу еще один день, потому что я совершенно не мог думать о медицине и пациентах, которые заслуживали гораздо большего внимания.

Я испытывал чувство вины, озабоченность, злость и страх.

В таком душевном состоянии меня и застала Гэйл. Я нацепил маску спокойствия, и мы вместе приготовили ужин. Потом, обнявшись, долго стояли у выходящего к заливу окна, глядя, как зажигаются в сумерках городские огни. Несколько скворцов из оставшихся на зиму еще прыгали по увядшей лужайке в последних отблесках дневного света, потом унеслись с налетевшим порывом ветра, от которого задрожали стекла.

— Что-то случилось, Эдвард? — мягко спросила Гэйл. — Ты сам расскажешь или будешь и дальше делать вид, что все нормально?

— Просто настроение неважное, — ответил я. — Нервы. Работа в больнице.

— О Боже, я поняла, — сказала она, садясь в кресло. — Ты решил развестись со мной и жениться на той женщине по фамилии Бейкер.

Миссис Бейкер, о которой я как-то рассказывал Гэйл, весила триста шестьдесят фунтов и догадалась, что она беременна, только на пятом месяце.

— Нет, — сказал я вяло.

— О, великое счастье! — провозгласила Гэйл, легко касаясь моего лба. — Но если вытягивать из

тебя все клещами, можно сойти с ума.

— Видишь ли, я пока не могу об этом говорить, так что… — Я погладил ее по руке.

— Какие мы отвратительно серьезные, — сказала она, поднимаясь. — Я пойду приготовлю чай. Ты будешь?

Она обиделась, да я и сам мучался оттого, что никому не мог ничего рассказать. Хотя почему бы и не открыться ей? Мой старый друг превращается в галактику…

Вместо этого я убрал со стола. В ту ночь мне долго не удавалось заснуть. Я сидел в постели, положив подушку за спину, и глядел на Гэйл. Пытался разобраться, что из всего того, что знаю, реальность, а что домыслы.

«Я врач, — говорил я себе. — Профессия, связанная с наукой, техникой. И мне положено обладать иммунитетом к подобным футуристическим потрясениям».

Верджил Улэм превращается в галактику.

Как бы я себя чувствовал, если бы в меня пересадили триллион крошечных китайцев? Я улыбнулся в темноте и в тот же момент едва не вскрикнул: существа, обитавшие у Верджила внутри, были совсем чужими для нас, настолько чужими, что я или Верджил даже не могли рас-

считывать на быстрое понимание. Может быть, мы вообще никогда их не поймем.

Однако это все домыслы, а я очень хорошо знал, что на самом деле относится к реальности. Спальня. Городские огни, просвечивающиеся сквозь тюлевые занавески. Спящая Гэйл. Это очень важно. Гэйл, спящая в постели.

Снова мне приснился тот самый сон. На этот раз город вошел через окно и набросился на Гэйл. Огромный, шипастый, ползучий, весь в огнях, он рычал что-то на непонятном языке, состоящем из автомобильных гудков, шума большой толпы и грохота строек. Я пытался бороться с ним, но он все-таки добрался до Гэйл… и превратился в поток мерцающих звезд, рассыпавшихся по постели, по всему, что нас окружало. Я резко проснулся и до самого рассвета больше не сомкнул глаз. Встал, оделся вместе с Гэйл и поцеловал ее перед уходом, ощутив сладострастную реальность доверчивых человеческих губ.

Затем отправился на встречу с Бернардом. В его распоряжение был отдан кабинет в одной из больших пригородных больниц. Я поднялся лифтом на шестой этаж и воочию убедился, что могут сделать известность и состояние.

Прекрасно обставленная комната, изящные

гравюры на шелке, украшающие стенные панели из дерева, мебель из хромированного металла и стекла, кремового цвета ковер, китайская бронза, полированные шкафы и столы.

Бернард предложил мне чашку кофе. Я не стал отказываться. Он сел сбоку от письменного стола, я — напротив него с чашкой кофе во влажных ладонях. На нем был серый с иголочки костюм. Седые волосы и четкий профиль дополняли картину. В свои шестьдесят с лишним он здорово напоминал Леонардо Бернстайна.

— По поводу нашего общего знакомого… — начал Бернард. — Мистера Улэма. Блестящий ученый и, я не побоюсь этого слова, отважный.

— Он мой друг. И я обеспокоен тем, что с ним происходит.

Бернард остановил меня, подняв палец:

— Но этот отважный человек совершил безрассудный, идиотский поступок. Того, что с ним произошло, просто нельзя было допускать. Решиться на такой шаг его вынудили обстоятельства, но это, конечно, не оправдание. Однако что сделано, то сделано. Настолько я понимаю, он вам все рассказал.

Я кивнул:

— Он хочет вернуться в «Генетрон».

— Разумеется. Там все оборудование. И видимо, там же будет его дом, пока мы не разберемся с этой проблемой.

— Разберетесь… Как? И какой в этом прок? — Легкая головная боль мешала мне думать.

— О, я могу представить себе множество областей применения маленьких сверхплотных компьютеров на биологической основе. Право, это не так сложно. В «Генетроне» уже сделано несколько важных открытий, но тут совершенно новое перспективное направление.

— Что вы имеете в виду?

— Я не вправе обсуждать перспективы, — Бернард улыбнулся, — но это будет нечто совершенно революционное. И нам просто необходимо поместить мистера Улэма в лабораторные условия. Мы должны провести такие эксперименты на животных. Разумеется, придется начинать все с начала. Дело в том, что э-э-э… колонии Верджила нельзя перенести в другой организм: они базируются на его лейкоцитах. Поэтому нам нужно будет создать новые колонии, которые не будут вызывать в других организмах иммунную реакцию.

— Подобно инфекции? — спросил я.

— Думаю, можно допустить и такое сравнение. Но Верджил не инфицирован.

— Мои тесты показали, что это не так.

— Видимо, аппаратура среагировала на те участки информационных потоков, что плавают в его кровеносной системе. Как вы думаете?

— Я не знаю.

— Послушайте, я бы хотел, чтобы вы заглянули в нашу лабораторию, когда Верджил туда переберется. Ваш опыт может оказаться для нас полезным.

Нас. Значит, он с «Генетроном» заодно. В состоянии ли он сохранить объективность?

— Каков ваш собственный интерес во всем этом деле?

— Эдвард, я всегда держался на переднем крае своей науки. И не вижу причин, почему бы не поработать здесь. С моими знаниями функций головного мозга и нервной системы, после всех исследований по нейрофизиологии, что я провел…

— Вы могли бы помочь «Генетрону» избежать правительственного расследования, — сказал я.

— Весьма грубо. Слишком грубо и, кроме того, несправедливо.

— Возможно. Но я согласен. Я бы очень хотел побывать в лаборатории, когда Верджил туда переедет. Разумеется, если при всей моей грубости

приглашение еще остается в силе.

Бернард посмотрел на меня острым взглядом. Он понимал: я не буду играть на его стороне, и на какое-то мгновение эти мысли совершенно отчетливо проступили у него на лице.

— Конечно.

Он поднялся и протянул мне руку. Ладонь у него была влажная. Хотя Бернард старался этого не показать, нервничал он не меньше моего.

Я вернулся домой и просидел там до полудня. Читал и пытался разобраться в своих мыслях. Прийти к какому-то выводу. В частности, решить, что все-таки составляет реальность и что я должен защищать.

Перемены человек может принимать только в определенных дозах. Нововведения — это хорошо, но понемногу и постепенно. Нельзя навязывать их силой. Каждый имеет право оставаться прежним, пока не решит, что готов.

Величайшее научное открытие после…

И Бернард будет навязывать его силой. «Генетрон» тоже. Мысли об этом казались невыносимыми. «Неолуддит», — обозвал я сам себя. Действительно, грязное обвинение.

Когда я нажал кнопку с номером квартиры Верджила на переговорной панели в холле вы-

сотного здания, он ответил почти сразу.

— Да, — сказал он возбужденно. — Поднимайся. Я в ванной. Дверь не заперта.

Я вошел в квартиру и двинулся по коридору к ванной. Верджил сидел в розовой воде, погрузившись до самого подбородка. Он рассеянно улыбнулся и всплеснул руками.

— Выглядит так, словно я перерезал себе вены, да? Не волнуйся. Все в порядке. «Генетрон» берет меня обратно. Бернард только что позвонил. — Верджил указал на отводной аппарат с интеркомом, установленный в ванной.

Я сел на крышку унитаза и сразу обратил внимание, что у шкафа с полотенцами на самом краю полки над раковиной стоит отражатель для загара с многочисленными лампочками для дневного света. Однако провод был выдернут из розетки.

— Ты в самом деле этого хочешь? — спросил я, опустив плечи.

— Пожалуй, да, — сказал Верджил. — Они смогут позаботиться обо мне лучше других. Так что я решил привести себя в порядок и сегодня вечером отправляюсь. Бернард заедет за мной на своем лимузине. Класс! Отныне у меня все будет по высшему классу.

Вода розоватого оттенка выглядела странно: это совсем не походило на растворенное мыло.

— Что это у тебя в воде — пенный шампунь? — спросил я, но спустя секунду догадался сам — и мне стало вдруг нехорошо: настолько очевидными и неизбежными были эти события.

— Нет, — сказал Верджил.

Это я уже знал.

— Нет, — повторил он, — это выделения через кожу. Мне не все рассказывают, но я думаю, что теперь они начали высылать разведчиков, первопроходцев. Астронавтов.

Он внимательно посмотрел на меня, и в его взгляде я не заметил даже тени озабоченности, скорее, просто любопытство: как, мол, я на это отреагирую. Подтверждение моей догадки, прозвучавшее в его словах, заставило меня внутренне сжаться, словно я готовился к удару. Прежде я совсем не думал о такой возможности, видимо, потому, что был занят другими аспектами проблемы.

— Это первый раз случилось? — спросил я.

— Да, — ответил он и рассмеялся. — Я все думаю, не выпустить ли этих чертенят в канализационную систему. Пусть узнают, каков на самом деле наш мир.

— Они же распространятся тогда по всему свету!

— Это точно.

— Как ты себя сейчас чувствуешь?

— Сейчас очень даже неплохо… Их тут, должно быть, миллиарды. — Еще один всплеск рукой. — Как ты думаешь? Может, стоит их выпустить?

Быстро, почти не раздумывая, я опустился на колени у ванны. Мои пальцы сами нащупали провод от лампы для загара и воткнули вилку в розетку. Верджил как был мальчишкой, когда подводил ток к дверным ручкам, варил пунш, окрашивающий мочу в синий цвет, и разыгрывал тысячи других дурацких шуток, так им и остался. Он не вырос, не созрел до понимания, что его гениальности вполне достаточно, чтобы действительно изменить мир, но при этом нужно обладать еще и огромным чувством ответственности.

Верджил протянул руку к пробке, затыкающей слив.

— Знаешь, Эдвард, я…

Он так и не договорил. Я схватил лампу, бросил ее в ванну и тут же отпрыгнул назад, потому что вода буквально взорвалась облаком пара и искр. Верджил закричал, судорожно дернулся

— затем все замерло. Лишь продолжала шкворчать лампа, да от его волос поднималась тонкая струйка дыма.

Я поднял крышку унитаза, и меня тут же стошнило. Потом я зажал нос и прошел в гостиную. Ноги вдруг отказались держать меня — и я рухнул на диван.

Примерно через час, порывшись на кухне, я нашел коробку отбеливателя, нашатырь и бутылку виски. Вернулся в ванную и, старательно отворачивая взгляд от Верджила, налил в ванну сначала виски, потом нашатырный спирт, потом высыпал отбеливатель. Хлорка тут же забурлила в воде, и я вышел, плотно затворив за собой дверь.

Когда я вернулся домой, в квартире звонил телефон, но я не стал снимать трубку. Вдруг это из больницы? Или Бернард? А может, полиция. Легко представлялось, как я буду с ними объясняться. «Генетрон» напрочь откажется подтвердить мой рассказ. Бернард вообще заявит, что ничего не знает.

Я ощущал невероятную усталость во всем теле, мускулы сжимались в тугой узел от напряжения и… Даже не знаю, как можно назвать такое чувство. Чувство, возникающее после…

Осуществления геноцида?

Совершенно дикая мысль. Я не мог поверить, что своими руками убил сотни триллионов разумных существ. Уничтожил целую галактику… Смехотворное обвинение. Но мне было совсем не смешно.

Гораздо легче верилось в то, что я убил человека, своего друга. Дым, оплавленный каркас лампы, растекшаяся лужица пластика розетки, обгоревший провод…

Верджил!

Я бросил ему в ванну включенную лампу для загара. Меня по-прежнему мутило. Сны, города, насилующие Гэйл (что, интересно, с его прежней подружкой, Кандис?). Вода, утекающая в трубу. Галактики, рассеянные вокруг нас. Бесконечный ужас… Но одновременно — огромный потенциал красоты. Новая форма жизни, симбиоз, трансформация.

Убил ли я их всех? На мгновение меня охватила паника. Завтра, подумалось мне, я схожу туда и простерилизую квартиру. Что-нибудь придумаю. О Бернарде я даже не вспомнил.

Когда вернулась домой Гэйл, я спал на диване. Поднялся я, чувствуя себя очень скверно, и она тут же это заметила.

— Ты не заболел? — спросила Гэйл встревожен-

но, присаживаясь на край.

Я покачал головой и спросил:

— Что у нас сегодня на обед? — Язык меня не слушался. Слова давались с трудом.

Гэйл положила руку мне на лоб:

— Эдвард, у тебя температура. Очень высокая.

Я дотащился до ванной и взглянул на себя в зеркало. Гэйл остановилась позади меня.

— Что это? — спросила она.

Под воротничком рубашки вся шея у меня была исчерчена белыми линиями. Как на шоссе. Видимо, они проникли в мой организм уже давно, несколько дней назад.

— Влажные ладони… — проговорил я.

Удивительно, что это не пришло мне в голову раньше.

Очевидно, мы чуть не умерли. Сначала я еще пытался бороться, но буквально через несколько минут ослабел настолько, что уже не мог пошевелиться. Гэйл оказалась в таком же состоянии спустя час.

Я лежал на ковре в гостиной весь мокрый от пота. Гэйл — на диване. Лицо ее стало белым, словно тальк, глаза закрылись — как труп в лаборатории бальзамирования. Некоторое время мне казалось, что она действительно умерла. И даже в

том беспомощном, болезненном состоянии меня не оставляла злость за неспособность вовремя подумать о всех возможных последствиях. Но вскоре и на это не осталось сил. Я не мог даже моргнуть; поэтому закрыл глаза и просто ждал.

В руках, в ногах явственно ощущался ритм какой-то деятельности. С каждым толчком крови внутри меня возникал некий шум, похожий на звучание оркестра в тысячу музыкантов, играющих вразнобой целые фрагменты нескольких симфоний. Музыка, звучащая в крови… Постепенно звук становился резче, но одновременно и слаженнее: нагромождение акустических волн стихало, разделяясь на отдельные гармонические сигналы.

Эти сигналы словно врастали в меня, в ритм моего собственного сердца.

Сначала они подчинили себе наши иммунные реакции. Война — а это действительно была война, какой на Земле никто никогда не знал, война с триллионами, участвующими в сражениях, — продолжалась около двух дней.

К тому времени когда я нашел в себе силы, чтобы добраться до кухонного крана, они уже принялись за мой мозг, пытаясь расколоть коды и найти бога, скрывающегося в протоплазме. Я пил

и пил, пока меня не замутило, затем попил еще, уже медленными глотками, и отнес стакан воды Гэйл. Она прижала его к потрескавшимся губам и принялась жадно пить. Глаза ее покраснели, вокруг присохли желтоватые грязные крошки. Но теперь коже вернулось некое подобие нормального оттенка. Через несколько минут мы уже сидели за кухонным столом и вяло пережевывали пищу.

— Что это за чертовщина с нами приключилась? — спросила она первым делом.

У меня не было сил объяснять, и я лишь покачал головой. Затем почистил апельсин и поделил его на двоих.

— Надо вызвать врача, — сказала она.

Но я знал, что мы этого не сделаем. Я уже начал получать от них сообщения, из которых становилось понятно, что возникшее у нас ощущение свободы иллюзорно.

Сначала сообщения были предельно просты. В мыслях вдруг возникали даже не команды, а скорее воспоминания о командах. Нам запрещалось покидать квартиру: видимо, те, кто нами распоряжался, поняли нежелательность таких действий, хотя сама концепция наверняка казалась им совершенно абстрактной. Нам

запрещалось вступать в контакт с другими себе подобными. По крайней мере какое-то время нам будут разрешать принимать пищу и пить воду из-под крана.

Когда спала температура, процесс трансформации пошел быстро и решительно. Почти одновременно нас с Гэйл заставили замереть. Она в тот момент сидела за столом, а я опустился на колени и едва видел ее краешком глаза.

На руке у Гэйл уже начали образовываться гребни.

Они многому научились, пока жили внутри Верджила, и теперь применяли совсем другую тактику. Часа два все мое тело невыносимо чесалось и зудело — два часа в аду, но потом они наконец прорвались к мозгу и нашли меня. Многовековые по их шкале времени попытки увенчались успехом, и теперь они получили возможность общаться с неповоротливым, медлительным разумом, который когда-то владел вселенной.

Они отнюдь не были жестоки. Когда концепция вызванного их действиями неудобства и его нежелательности стала понятна этим маленьким существам, они сразу принялись за работу, чтобы устранить неприятные ощущения. И пожалуй,

перестарались. Еще час я пребывал в состоянии абсолютного блаженства, лишив их всякой возможности контакта.

На следующее утро нам снова разрешили двигаться. Главным образом для отправления физиологических нужд: от кое-каких продуктов жизнедеятельности они не могли избавиться сами. Я послушался — моча оказалась фиолетовой, и Гэйл последовала моему примеру. Мы долго смотрели друг на друга пустыми глазами, потом она выдавила из себя улыбку.

— Они с тобой тоже разговаривают? — спросила Гэйл.

Я кивнул.

— Значит, я не сошла с ума.

В последующие двенадцать часов контроль ослаб, и мне удалось набросать значительную часть этой рукописи. Подозреваю, что в это время в моем организме шла еще одна война. Гэйл могла немного шевелиться, но не более того.

Когда они снова вернули себе всю полноту власти, нам было приказано обняться, и мы без колебаний подчинились.

— Эдди… — прошептала Гэйл, и мое имя стало последним звуком, который донесся до меня снаружи.

В таком положении, стоя, мы и срослись. Через несколько часов наши ноги превратились в массивную опору, которая растеклась по полу во все стороны сразу. Отдельные отростки поползли к окну, к солнечному свету, и на кухню — к источнику питьевой воды. Вскоре филаменты добрались во все концы комнаты, содрали краску и штукатурку со стен, затем обивку и наполнитель с мягкой мебели.

К следующему утру трансформация завершилась. Я теперь не очень хорошо вижу, и мне трудно судить, на что мы похожи. Видимо, на две огромные плоские клетки, распустившие во все стороны сростки филаментов и растекшиеся по квартире. Великое имитирует малое.

Мне было приказано продолжать записывать свои впечатления, но скоро это будет невозможно. День ото дня, по мере того как нас поглощают находящиеся внутри мыслители, оба наших разума теряют устойчивость. С каждым днем наши личностные характеристики утрачиваются. Мы действительно огромные, неуклюжие динозавры. Теперь наши воспоминания хранятся в миллиардах маленьких существ, наши личности рассредоточены по объему преобразованной крови.

Скоро необходимость в централизации отпадет совсем.

Мне сообщили, что водопровод и канализация находятся в их власти. Многие люди на других этажах уже подверглись трансформации.

Через несколько недель по старой временной шкале мы доберемся до озер, рек и морей уже огромным числом.

Я даже не могу догадаться, каковы будут последствия. Каждый квадратный дюйм поверхности планеты забурлит разумом. А годы спустя — может быть, раньше — все люди сольются, отбросив личное.

Появятся новые существа, и их будущие мыслительные способности просто невозможно себе представить.

Ненависть и страх теперь полностью оставили меня.

Меня — нас — волнует сейчас только один вопрос.

Сколько раз подобное случалось где-то еще? Землю никогда не посещали пришельцы из космоса. Да и зачем им это?

Ведь в каждой крупинке песка можно найти вселенную.